

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 63. Л. 6—7.

² Там же. Д. 1668. Л. 2—7.

³ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 195. Л. 78—106.

⁴ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262. Ч. 1—16.

П. В. Лизунов

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА И КУПЕЧЕСТВО в XVIII в.

Следует признать, что начальная история биржи в России изучена недостаточно полно. Неизвестна даже точная дата основания С.-Петербургской биржи, как неизвестен и указ об ее учреждении. Традиционно принято считать, что первая официальная биржа в России была учреждена в 1703 г. Однако дата эта весьма условна. Без сомнения, можно лишь утверждать, что С.-Петербургская биржа возникла по инициативе Петра I и по его личному повелению почти одновременно с основанием самого города.

Заложив в 1703 г. Петропавловскую крепость, Петр I повелел неподалеку построить гостинный двор, а при нем выделить особое место для собраний купцов. Вскоре после сооружения особого здания биржи по распоряжению царя было установлено время — с 11 до 13 часов — для ежедневных собраний купцов, которых Петр I предписывал даже «приневоливать ходить на биржу»¹. В 1710 г. страшный пожар уничтожил все постройки и лавки первого гостинного двора². Сгорело и первое здание биржи. После пожара в течение трех лет местом собрания купцов служил трактирный дом, именуемый Австерия³. Лишь в 1713 г. гостинный двор отстраивается на Троицкой площади заново⁴, на этот раз — немного дальше от Невы. К нему начали даже строить канал «дабы сквозь оный могли всякие торговые суда проходить»⁵. Новый гостинный двор, как отмечал М. Д. Чулков, «был не малой величины, в два департамента» и более благоустроен⁶.

Петр I бывал на бирже, где общался с русскими и иностранными негодциантами⁷. Им были установлены некоторые начала упорядочения биржевой торговли, отчасти заимствованные из западных торговых

обычаев. Так, именным указом Петра I от 17 марта 1717 г. учреждалась должность гоф-маклера⁸.

16 января 1721 г. был издан «Регламент, или Устав Главного магистрата», в XVIII главе которого «О биржах или схожих местах» говорилось: «Такожде надлежит в больших приморских и прочих купеческих знатных городах <...> по примеру иностранных купеческих городов, построить биржи, в которыя б сходилися торговые (люди) граждане для своих торгов и постановления векселей <...>»⁹.

Во времена Петра I основной сферой деятельности петербургского биржевого купечества являлись, главным образом, казенные подряды. По мнению Г. А. Немирова, петровская «биржа могла состоять исключительно из подрядчиков, которые являлись первым коммерческим элементом, первыми оптовыми купцами, по крайней мере, покупщиками»¹⁰. Надо полагать, что именно первое биржевое купечество стало наиболее крупным покупателем государственных товаров у казны. Во второй половине XVIII в., а особенно его последней трети на бирже преобладали уже не подрядчики и покупщики казенных товаров, а крупные купцы, ориентирующиеся на внешний рынок.

В конце XVIII и первой половине XIX в. современники к «биржевому (негодциантам) купечеству» причисляли купцов, производящих внешнюю торговлю при С.-Петербургском порте¹¹. Обычно русские купцы с началом навигации приезжали из разных городов в С.-Петербург, где заключали договоры на поставку товаров и сделки купли-продажи. После приезда купцов начинали подходить и товары. Они, как правило, осматривались на бирже присяжными браковщиками и принимались уже по браковке (стандартам), а холст брали и по клейменым образцам. Многие русские купцы привозили свои товары и без подряда, продавая их по торговой стоимости, или ожидали более прибыльных цен. Их товары также браковались на бирже¹².

Часть товаров обычно продавалась иностранцам («в контракты») в течение зимы на поставку будущей весной, летом или даже осенью. Контракты обычно заключались в судебных местах. Сделки фиксировались в заемных и товарных книгах Крепостных контор. Договоры совершались на разных условиях. Иногда за «запроданные» товары получали все деньги вперед, а чаще — обычный задаток с платежом остальных денег после поставки товаров. Цены соизмерялись с заключенными условиями. Чем больше получали денег «наперед», тем они были ниже. Естественно, что подобные продажи весьма неблагоприятно сказывались на ценах, принося немалую прибыль заграничным негодциантам и их комиссионерам в России. Русские купцы, часто испытывая нехватку денег, были вынуждены прибегать к этому средству

(продажам «в контракты», получая сразу наличные) в виде займа¹³. Кредит обычно давался не более чем на год.

О сложившейся к середине 80-х годов XVIII столетия в С.-Петербурге практике торговли с иностранцами можно судить по записке купца Михаила Пастухова, который изложил свои «замечания о разных материях» президенту Коммерц-коллегии А. Р. Воронцову. Автор записки отмечал, что в последние несколько лет «к расстройке полезной нашей торговли <...> вкралось злоупотребление продавать иностранцам российских товары с обожданием от 3 до 6 месяцев, за которую посрочку сверх полупроцента за месяц получают они прибавку в ценах, так что с положением в расчете времени доходит сие до $\frac{3}{4}$ процента в месяц или около 9 процентов в год, а иногда и более». При этом, что в Голландии в то же время процент за ту же услугу был равен 1%, а в Англии — 5% в год¹⁴. Пастухов утверждал, что одной из причин, по которым «предусмотрительные и расчет знающие англичане, а с их примером и другие иностранцы» покупают российские товары «в сроки» и несут даже «убыток», если сравнить те проценты, какие они всегда могли получить под свои товары в Европе, кроется в дешевизне русских товаров.

«Основательно торгующие иностранцы» покупали российские товары большей частью по ордерам, и по мере прибытия для их отправки кораблей. По словам Пастухова, отправка за границу «на спекуляцию, ибо <...> на удачу и за собственный счет товаров столь мала, в сравнении регулярной торговли производимой по полученным из-за моря комиссиям, что не заслуживает никакого уважения». Европейские торговые конторы в России, получая приказы из-за границы на большие партии товаров, начинали заключать сделки на их покупку по частями на срок. А так как подобные срочные сделки совершались зачастую в тайне, то цены на товар почти не изменялись. Пастухов считал, что продажа российских товаров в кредит иностранцам хотя и приносит часто выгоду некоторым богатым российским купцам, но, по существу, несет более вреда, чем пользы, «ибо таковые срочные покупки производят унижение цен на наши произражения»¹⁵.

И. Г. Георги также писал, что иностранные купцы отправляли торговлю оптом и в значительной части по комиссиям. Большинство из них, как правило, не располагали собственными товарами и крупными капиталами, а вели дела разных европейских торговых домов, являясь их агентами в России. Им поручалось закупать российские товары, браковать и грузить их, производить расчеты, выписывать товары для русских купцов, продавать их на срок, переводить деньги и другие посреднические операции. За это они получали «с вывозимых и приво-

зимых товаров два рубля со ста и полное удовлетворение убытков, смотря по условию на бирже»¹⁶. «Промысел их, — отмечал И. Г. Георги, — верной, а если производят дела больших и хороших домов, то и весьма прибылен <...>»¹⁷. Георги, в отличие от Пастухова, находил, что торговый оборот российского купца «верен и во всяком виде выгоден», поскольку русские товары «он покупает за чужие или наперед взятые деньги, а иностранные товары получает без убытку на море <...> и платит за оные частию вырученными за то деньгами»¹⁸.

Большинство современников разделяли мнение о засилье на российском внешнем рынке иностранцев. Приведем высказывания по этому поводу министра коммерции графа Н. П. Румянцева, неизвестного автора (возможно, чиновника) и простого купца, относящиеся к одному времени. Так, министр коммерции приводил сложившееся в обществе суждение, что «давно уже <...> иностранцы держат наше купечество в порабощении»¹⁹. Аналогичной точки зрения придерживался и не установленный автор записки о включении с 1798 г. иностранных и иногородних купцов в петербургское мещанство. Констатируя особое положение в России иноземных негодантов, он отмечал: «Чтож касается до иностранных купцов, кои здесь биржевым торгом занимаются; и без коих признаться должно, по малому еще знанию наших, и внешний весь наш торг не в таком бы цветущем состоянии был <...>»²⁰. Русские купцы были единодушны: «<...> российская коммерция притеснена, разорена, и во истребление приходит стала». В качестве доказательства приводилась практика заключения контрактов на поставку товаров, при которой русские купцы получали от комиссионеров задаток «по три и по четыре копейки с рубля <...> да и в разговорах (английские купцы. — П. Л.) употребляют пословицу: “Аглицкие де деньги все перепогут”»²¹.

Петербургские купцы еще с петровских времен разделялись на российских и иностранных гостей. Российское купечество состояло из местных (или здешних) и иногородних. К числу первых принадлежали не только коренные россияне, но и иностранцы, вступившие в российское подданство. Вторые же большей частью числились и проживали в других городах (времененно петербургские купцы). По разным причинам купцы могли отходить от дел и оставлять на время свою торговлю, продолжая оставаться в прежнем сословии. Однако, по словам Георги, «к *нынешнему купечеству* причисляют единственно таких, кои ходят на биржу и платят пошлину с капитала»²².

Сохранился довольно подробный список торгующих в 1725 г. при С.-Петербургском порте 162 российских купцов с указанием их основного местожительства²³. Из списка явствует, что в С.-Петербурге ком-

мерцией занимались купцы из 37 разных городов. Причем только 11 поименованы как петербургские купцы (Иван Бельский, Михаил Данилов, Федор Зотов, Алексей Лапотников, Иван Малов, Иван Микляев (московский и петербургский), Леонтий Петухов, Дмитрий Сиднев, Тимофей и Яков Филатовы, Григорий Холщевников)²⁴. Большинство составляли московские (27) и ярославские (23) купцы. Далее шли каргопольские (10), ростовские (9), вязниковские (8), калужские (6), гороховецкие (5), гжатские (4), бежицкие, костромские, муромские, симбирские, тверские (по 3), борисоглебские, тульские, чебоксарские (по 2). Из остальных городов — по одному купцу.

Спустя почти 50 лет произошли значительные изменения в составе российских купцов, торгующих на С.-Петербургской бирже. В 1772 г. отпускную и привозную торговлю в столице вели уже 43 петербургских, 21 московский, 11 тульских, 5 калужских, 5 астраханских, 4 вологодских, 3 торопецких, 2 рижских, 2 револьских купца²⁵. Всего Россия насчитывалась 135 человек, сумма их товаров «в привозе» составляла 2 555 716 руб., «в отпуску» за море — 592 116 руб. По сравнению с 1725 г. в С.-Петербурге не оказалось совсем ярославских и каргопольских купцов, что было следствием восстановления внешней торговли через Архангельск. Сократилось и количество москвичей. Зато увеличилось число петербургских и тульских купцов, появились прибалтийские негоцианты.

В 1787 г., согласно ведомости о численности петербургских купцов по гильдиям «мянных граждан, в том числе иностранец банкир Сутерланд», значилось 36 купцов (15 семей) с объявленным капиталом на 894 400 руб. В первой гильдии было записано 247 российских купцов (123 семьи) с указанным капиталом на 1 372 250 руб.; во второй гильдии — 246 русских купцов (108 семей) с капиталом 559 805 руб., в третьей гильдии — 2776 человек (1406 семей) и капиталом 1 487 944 руб. Иностранные гости по гильдиям были расписаны так: в первой — 50 купцов (43 семьи) и капиталом на 458 930 руб., во второй — 1 купец с капиталом на 5030 руб. и в третьей — 44 человека (43 семьи) с капиталом на 44 600 руб. Иногородние гости по гильдиям числились следующим образом: во второй гильдии — 2 человека (2 семьи) с капиталом 10 135 руб. и в третьей — 9 купцов (6 семей) и капиталом на 7220 руб.²⁶

Появление биржи в С.-Петербурге еще не означало, что в XVIII столетии русский торговый капитал проявлял значительную активность и организованность. Просто и здесь сказалась своеобразная экономическая политика Петра I — собрать «рассыпанную храмину» всего российского купечества. Если биржи в Западной Европе, как прави-

ло, появлялись как назревшая необходимость, как следствие усложнения оптовой торговли, то в России она учреждалась государством. Петр I насильно заставлял купцов торговать на бирже по-европейски. Петровская биржа возникла исключительно по воле и желанию «царя-преобразователя», когда естественные предпосылки для этого еще не сформировались. Биржа учреждалась как своеобразная купеческая ассамблея.

Примечания

¹ СПбГЦИА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 1069. Л. 1.

² Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг. // Русская старина. 1882. Т. 36. Октябрь. С. 41—42; *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 51, 82.

³ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 28.

⁴ Там же.

⁵ [Чулков М. Д.] Историческое описание российской коммерции... СПб., 1787. Т. 4. Кн. 1. С. 744.

⁶ Там же.

⁷ См.: [Штелин Я.] Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом... СПб., 1786. С. 136—137.

⁸ Там же. Т. 5. Ст. 3074. С. 490; Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 28 об.

⁹ Там же. С. 301.

¹⁰ *Немиров Г. А.* Опыт описания истории С.-Петербургской биржи в связи с историей С.-Петербурга, как торгового порта. СПб., 1888. Вып. 4. С. 3—4.

¹¹ См.: [Вавилов И.] Беседы русского купца о торговле. СПб., 1846. Ч. 1. С. 41.

¹² См.: *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 206.

¹³ См.: [Вавилов И.] Беседы русского купца.. Ч. 1. С. 42—43; *Вирст Ф. Г.* Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи... СПб., 1807. С. 340—342.

¹⁴ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 546. Л. 212 об.

¹⁵ Там же. Л. 214.

¹⁶ *Георги И. Г.* Описание... С. 205.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 206—207.

¹⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 549. Л. 354.

²⁰ Там же. Л. 337.

²¹ Там же. Д. 546. Л. 457 об.

²² *Георги И. Г.* Описание... С. 217.

²³ *Немиров Г. А.* Опыт описания истории... Вып. 6. С. 12—26.

²⁴ См.: *Любименко И. И.* Торговля в Петербурге // Петербург петровского времени. Л., 1948. С. 82—83.

²⁵ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 570. Л. 109—112.

²⁶ Там же. Д. 556. Л. 100.

Н. Н. Репин

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КУПЦОВ-ЭКСПОРТЕРОВ С АРХАНГЕЛЬСКОМ И ПЕТЕРБУРГОМ В XVIII в.

Преемственность связей купцов с рынком в России XVIII в., являющаяся важным элементом функционирования торгового капитала, привлекла определенное внимание отечественных историков. Что же касается продолжительности отношений купцов-экспортеров с внешнеторговыми центрами страны в широких хронологических рамках, то этот вопрос в исторической литературе не ставился, а если и затрагивался, то лишь в плане изучения коммерческих биографий отдельных представителей торгового мира России XVIII столетия.

Между тем в XVIII в. отчетливо выделяется период — с 1713 по 1762 г., когда резко усилилось государственное вмешательство в распределение грузопотоков по главному внешнеторговому направлению — между Петербургом и Архангельском, что отразилось и на переориентации торговых операций купцов-экспортеров с северного порта на столичный, особенно с 1722 г., когда Петербург стал главным центром торговли России со странами Запада¹.

В 1710 г., когда Архангельск еще монополизировал весь внешнеторговый оборот России с европейскими странами, с ним были связаны купцы из 59 городов. В 1764 г. в столичном и северном портах вели коммерческие операции жители из 72 городов, а число участников торговли за это время увеличилось с 672 до 1387 человек².

При этом из 59 городов, жители которых торговали в Архангельске в 1710 г., через полстолетия со столичным и северным портами были связаны купцы лишь из 43 городских центров (73%). К началу 60-х гг. XVIII в. прекратили коммерческие связи с ними жители Астрахани, Балахны, Городца, Дорогобужа, Козьмодемьянска, Лальска,

Лука, Любима, Ростова, Симбирска, Соли Камской, Старицы, Углича, Чердыни, Юрьевца-Поволжского. Торговля большей части купцов из этих городов была переориентирована на другие внешнеторговые направления.

Вместо них в Петербурге и Архангельске появились жители из 29 новых городов: Бежецка, Болхова, Боровска, Вельска, Великих Лук, Гжатска, Дмитрова, Касимова, Козельска, Курска, Ладоги, Мещовска, Мосальска, Муромы, Олонца, Одоева, Орла, Петербурга, Переяславля-Рязанского, Старой Руссы, Соли Галицкой, Слободского, Судислава, Тамбова, Торопца, Тулы, Устюжны Железопольской, Юрьева Польского, Цывильска. Обновление произошло, таким образом, прежде всего за счет городских центров Северо-Запада и центра европейской части России, тяготевших к столичному порту.

Труднее обстоит дело с определением персонального состава купцов, торговавших в Петербурге и Архангельске в начале 60-х гг. XVIII в., так как его можно выявить лишь по 23 городам (из 72), магистраты которых подали ведомости о «торгующих к портам» в Комиссию о коммерции в 1764 г.³ И все же эти данные позволяют раскрыть довольно достоверную, на мой взгляд, картину, так как жители этих городов составляли около половины общего состава экспортеров, торговавших в столичном и северном портах в начале 60-х гг., и концентрировали половину их экспортного товарооборота.

Сопоставление купеческих фамилий из этих городов за 1710 и 1764 гг. позволяет отметить, что преемственность их торговли была невелика и составила всего 11,5% — 71 из 617 купцов.

За это время совершенно обновился состав торговых людей из 9 городов: Арзамаса, Белева, Вятки, Коломны, Костромы, Новгорода Великого, Соли Вычегодской, Царевококшайска, Шуи. Однофамильцы из других городов были представлены так: по одной фамилии из Вязьмы (Веленины), Калуги (Торбаевы), Нижнего Новгорода (Пушниковы), Пскова (Трубинские), Холмогор (Пругавины); по два — из Каргополя (Прибытковы, Лыткины), Чебоксар (Кологривовы, Игумновы); по три — из Архангельска (Баженины, Крыловы, Пшеницыны), Ростова (Малыгины, Базаровы, Менкины), Твери (Арефьевы, Вагины, Пироговы); пять — из Ярославля (Волковы, Викулины, Гнзудевы, Крашениниковы, Парамоновы); по шесть — из Москвы (Ефремовы, Исаевы, Козмины, Макаровы, Семеновы, Турчаниновы) и Великого Устюга (Костелины, Протодяконовы, Протопоповы, Смольниковы, Усовы, Саблины).

Лишь вологжане являлись исключением: с Петербургом и Архангельском в 1764 г. были связаны 77 купцов, из которых 36 человек